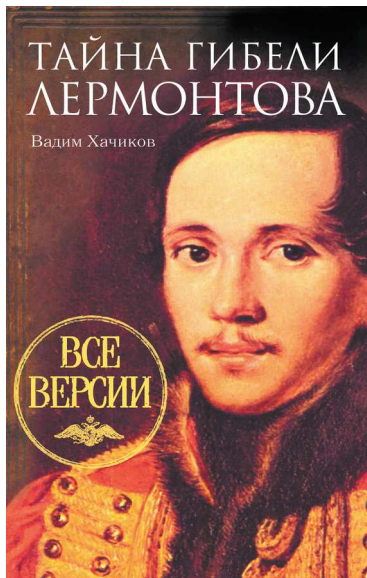

ТАЙНА ГИБЕЛИ ЛЕРМОНТОВА

Вадим Хачиков

ВСЕ
ВЕРСИИ

Вадим Александрович Хачиков
Тайна гибели Лермонтова. Все версии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8380223

Вадим Хачиков. Тайна гибели Лермонтова. Все версии: Издательство АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086820-9

Аннотация

Перед вами настоящее журналистское расследование обстоятельств гибели Лермонтова. Автор собрал и заново рассмотрел все версии дуэльной истории июля 1841 года. Грани последнего лета. Люди и страсти. Балы и интриги. Как все происходило? Какие тайны скрывает гора Машук? Лермонтов и Мартынов – кто виноват? Дуэль или убийство?

Содержание

От автора	5
I. Пятигорск. Путешествие во времени и пространстве	7
Люди, дороги, экипажи...	8
«...Довольно чистенький и красивый городок»	10
«...Нанял квартиру на краю города»	18
«Водяное общество»	24
...Балы, пикники, концерты, кавалькады	30
II. Грани последнего лета	38
«В Пятигорск, в Пятигорск!»	39
Домик на окраине	45
«В Пятигорске была жизнь веселая...»	51
III. Люди и страсти	57
«Верзилинская диагональ»	58
«Роза Кавказа» Эмилия Клингенберг	58
«Свирепый человек» Николай Мартынов	62
Милый Глебов, «сродник Фебов»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вадим Хачиков

Тайна гибели Лермонтова. Все версии

Издано в авторской редакции

© Вадим Хачиков, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

От автора

Пятигорское лето 1841 года... Последнее лето Михаила Юрьевича Лермонтова. Трагическое лето, оборванное в жаркий июльский день пистолетным выстрелом у подножия Машука... Чем было приметно оно для поэта? Какими событиями отмечено? Какими делами заполнено? Эти вопросы волновали уже первопроходцев лермонтоведения спустя два-три десятилетия после трагического поединка. Волнуют они и нас в XXI столетии, потому что полного представления о том, что происходило тем летом в Пятигорске, мы так и не имеем.

Казалось бы, в свое время было собрано множество фактов и сведений, обнаружено немало мелких и крупных подробностей – в мемуарах и письмах современников, в рассказах очевидцев и документах той поры. Добросовестно и старательно обобщили их первые биографы поэта – профессор П. А. Висковатов и журналист П. К. Мартянов, создав общими усилиями картину жизни поэта и его окружения в тогдашнем Пятигорске. И с тех пор, вот уже более века, ее дорисовывают позднейшие исследователи – профессионалы и любители, специалисты и дилетанты. Находя какие-то дополнительные штрихи и детали, они делают эту картину более яркой, рельефной, многокрасочной и даже как будто бы движущейся...

Но – странное дело! – движение это подобно тому, которое можно было видеть когда-то на киноэкране, если пленку склеивали в так называемое «кольцо». Крутятся в проекторе, это кольцо раз за разом повторяло одно и то же. Подобное же повторение находим мы и в описаниях последних дней поэта.

Что же мы видим?

Прибытие Лермонтова и Столыпина в Пятигорск. Тут же – наем ими квартиры в доме Чилаева. Частые визиты Михаила Юрьевича в дом Верзилиных. Веселая и беззаботная жизнь – балы, пикники, прогулки, кавалькады. Мелькают лица друзей – веселых и беззаботных гвардейцев. Между ними – мрачные физиономии врагов, которых объединяет злобная генеральша Мерлини. И конечно, тут же – Мартынов, которого Лермонтов в течение всего лета, изо дня в день, изводит насмешками. И вот уже – бал у Грота Дианы, а вскоре – вечер в доме Верзилиных 13 июля, кончившийся роковой ссорой. И наконец – дуэль, рассказ о которой, как и о ссоре, обязательно сопровождается сетованиями по поводу тайн и загадок, окружающих эти события.

Подобный набор «кадров» встречаем повсюду – в статьях и научных монографиях, охватывающих последний период жизни Лермонтова, в посвященных ему романах и повестях. Вот новая работа – и опять то же: приезд, наем квартиры, встречи в доме Верзилиных... Пикники, кавалькады, балы... Развеселые друзья, злобные враги, взвинченный ими Мартынов... Грот Дианы, 13 июля, ссора, дуэль с ее неразгаданными тайнами... Вертится, вертится «кольцо», заставляя и нашу мысль ходить по кругу, перебирая в десятый, сотый раз одни и те же сведения и столько же раз испытывая сожаление, что никак не удастся приподнять покров над тайной гибели великого поэта...

А если кольцо разорвать? Ведь за минувшие десятилетия, особенно в последние годы, серьезные исследователи биографии М. Ю. Лермонтова обнаружили многие подробности, выходящие за рамки привычного набора фактов. К сожалению, они разбросаны по отдельным, как правило сугубо специфическим, изданиям и чаще всего недоступны не только обычным читателям и почитателям поэта, но и многим из тех, кто стремится проникнуть вглубь событий последнего лета. Что, если собрать их воедино, дополнить хорошо знакомыми фактами? И еще – теми, что в общем-то были известны, но проходили мимо нашего внимания? И потом на все это посмотреть непредвзятым взглядом и, страхнув с себя вязкий гипноз «кольца», осмыслить заново?

И тогда окажется вдруг, что то пятигорское лето было наполнено событиями – большими и малыми, значительными и не очень. Напрямую связанными с Лермонтовым и, казалось бы, не имевшими к нему никакого отношения, но, тем не менее, повлиявшими на трагедию 15 июля. Гораздо ярче, понятнее станут нам и фигуры лермонтовского окружения. Изменится масштаб некоторых личностей, иной окажется роль, которую они играли в судьбе поэта, и даже краска, которой в свое время покрыли их те, кто клеил «кольцо». А самое главное – спадут покровы некоторых тайн, скрывавших истинную суть происходившего в последние дни и часы жизни Михаила Юрьевича Лермонтова. Наверное, ради этого есть смысл снова пересмотреть все, что известно о том последнем пятигорском лете.

Сделаем же такую попытку.

Но сначала – очень бы неплохо было, насколько это возможно, представить себе ту жизнь, что окружала поэта, в многообразии ее картин – пейзажей, исторических реалий, просто бытовых эпизодов.

Итак...

І. Пятигорск. Путешествие во времени и пространстве

Вид Пятигорска
Гравюра 1840-х гг.

Люди, дороги, экипажи...

Как представить себе Пятигорск 1841 года? Где найти волшебную машину времени, которая перенесет нас в прошлое и позволит увидеть город таким, каким его видел Михаил Юрьевич Лермонтов в свое последнее лето? Увы, нет такой машины! Зато есть нынешний Пятигорск, и в XXI веке хранящий многие черты минувшего. Так что он сам, этот волшебный город, поможет нам совершить путешествие во времени.

Итак, мы с вами добрались до земли Кавказской. Позади остались грязные российские дороги, почтовые станции с дурной пищей и клопами, угрюмые физиономии зрителей, томительное ожидание свободных лошадей. Тележка наша бойко бежит по хорошо укатанной дороге, резвые кони тянут ее все дальше и дальше на юг. А вокруг – роскошная майская степь благоухает ароматами трав, стеной стоящих по обе стороны дороги. Это потом, к середине лета, они высохнут и пожелтеют. Пока же высокие – в пояс человеку, по брюхо коню, – они зеленым волнующимся морем уходят вдаль, до самого горизонта. Там, слегка колеблемый теплым воздухом, словно бы плывет над землей белоснежный конус двуглавого Эльбруса, сопровождающий нас от самого Ставрополя. А при подъезде к Георгиевску впереди, в сиреновой дали, возникает окутанный легкой дымкой трезубец Бештау. И следом появляются окружающие его возвышенности самого причудливого вида – остроконечные и округлые, похожие на шлем воина или мохнатую персидскую шапку, лежащую коровью тушу, двугорбого верблюда, спящего льва...

В переводе с тюркского языка слово *Бештау* означает «Пять гор». У этой горы действительно пять вершин, хотя с любой стороны видны только три – остальные прячутся друг за друга. Отсюда и *Пятигорье* – местность, известная людям с незапамятных времен. Отсюда и Пятигорск – название, означающее «город, расположенный в местности Пятигорье», а вовсе не «город, окруженный пятью горами», как считают некоторые. В 1830 году Комитет министров, решая, как именовать молодой город у Горячих Вод, постановил: «... дать оному название Пятигорска, по уважению, что гора Бештов, к подошве которой прилегает предназначенное для сего города место, известна под сим именем и в древних российских летописях». Далеко вперед заглядывали российские правители! Ведь только век с лишним спустя, уже в наши дни, строения дальних пригородов Пятигорска добрались до подножия горы, давшей имя городу. А в ту пору от Бештау до маленького городка, возникшего близ горячих источников, насчитывалось несколько верст.

Городок этот лепился у подножия другой горы, носившей тогда имя *Машуха*, позже измененное на *Машук*. Ее округлый купол как бы припадает к долине небольшой, но быстрой речки Подкумок, вдоль которой лежит дорога к Пятигорску от георгиевской почтовой станции, последней на нашем пути. По мере того как мы приближаемся к месту назначения, купол горы делается все больше и больше и вот уже закрывает почти полнеба. Похоже, наш вояж близится к концу, и наступает пора отправляться в иную дорогу – сквозь толщу лет, в лермонтовский Пятигорск.

Первой нас встречает слобода, называемая поначалу Солдатской, позже – Кабардинской, поскольку первыми ее насельниками были отставные солдаты Кабардинского пехотного полка. Здесь дорога почти вплотную подходит к подошве Машука. Справа у нас тянется отвесная скала, а слева обрыв, омываемый быстрыми струями Подкумка. Желаящие и сегодня могут увидеть эту картину, проехав по улице Теплосерной. Под навесом скалы, на узкой стезе, представляется несколько хижин или мазанок, снаружи опрятных, но столь маленьких и низких, что, если войти в горенку и лечь на лавку, то одною рукою можно достать окно, другою дверь, а ногою коснуться потолка. Хижины сии составляют небольшую улицу, на которой есть домики и в три, и в пять окон по фасаду.

У ворот тут и там сидят солдатки или девчонки, их дочки, крича проезжим: «Господа, есть порожняя квартира, не угодно ли остановиться?» Кое-кому это бывает угодно, но мы пока продолжаем путь. Замыкает ряд придорожных мазанок красивый дом, принадлежащий главному врачу Минеральных Вод, Федору Петровичу Конради. Дом очень уютен, пестро окрашен, окружен цветником и садиком (увы, до сегодняшних дней он не сохранился!). Когда от сего домика, около последнего возвышения, круто поверотишь направо (на нынешнюю улицу Братьев Бернардацци, на которой в те времена строений еще не было – дорога лежала вдоль голых скал северного склона Горы Горячей), тогда вдруг, как рисованная декорация, является город. Взору открываются красивые дома, каменные здания, бульвары, купальни, сады, стелящиеся по скату горы Машук, которая поднимается грозным исполином над Пятигорском.

Экипаж любого приезжего, а значит и наш тоже, обязательно останавливается около величественного дома с колоннами. Тут – конец пути. В этом здании, о котором нам еще придется не раз говорить, находится почтовая станция, а также расположены номера для приезжающих, где можно пожить до приискания подходящей квартиры.

Дождливым майским вечером 1841 года именно сюда вошли промокшие путники – поручик Лермонтов и капитан Столыпин. Вошли, привезя с собой целый букет загадок. Со временем мы попытаемся разгадать их. А пока давайте осмотрим радушно принявший нас...

«...Довольно чистенький и красивый городок»

Таким считал Пятигорск 1841 года квартирный хозяин Лермонтова В. И. Чилаев. Не правда ли, оценка очень похожа на лермонтовскую – «чистенький, новенький городок», данную четырьмя годами ранее? Похожа не только потому, что Василий Иванович прочитал роман своего постояльца, но и в силу того, что город за это время практически не изменился – не то что в предыдущие полтора-два десятилетия. Тогда вдохновенный труд братьев Бернардацци и их безвестных помощников из военно-строительной команды буквально на глазах преображал маленькое поселение у Горячих Вод, которому эти архитекторы-итальянцы, уроженцы Швейцарии, хотели придать облик европейского курорта. Не их вина, что выполнить многое из задуманного не удалось. Непривычный климат, работа на износ подорвали здоровье обоих. За год до последнего приезда сюда Михаила Юрьевича ушел из жизни, едва перешагнув полувековой рубеж, младший, Иосиф. А год спустя предстояло уйти и старшему, Иоганну. И конечно, на склоне своих лет они уже не могли трудиться в полную силу – занимались, как говорят сегодня, «мелочовкой»: там поставят мачту с флагом, тут поправят мостик...

И все же то, что успели сделать братья, донныне восхищает нас своим совершенством, служба блестящим образцом для зодчих последующих времен. А еще – выступает как некая связующая нить, дотянувшаяся до наших дней из того далекого прошлого, по которому мы совершаем путешествие. Только вот, осматривая творения Бернардацци (увы, до наших дней дошли далеко не все), мы должны иметь в виду: являясь для нас шедеврами архитектуры, памятниками истории и культуры, здания эти тогда исполняли сугубо прозаические роли – были гостиницами, ванными заведениями, местами для отдыха и прогулок. И лишь после трагических событий лета 1841 года обрели для последующих поколений волнующую души причастность к происшедшему.

Как же виделся Пятигорск современникам поэта? Сохранилось несколько картин и рисунков, сделанных в близкие к 1841 году времена. Но изображенное на них неплохо передают и словесные описания современников, скажем такое: город лежит в большой яме, шириной в полверсты квадратной, или в укреплении, огражденном самой природой высокими валами. С восточной, северной и отчасти западной стороны городская площадь примыкает к крутым пригоркам, похожим на искусственные валы (так описаны отроги Машука, образующие Горячеводскую долину, – Гора Горячая и Внутренний хребет). К северу от главной улицы по скату горы расположен небольшой городок, состоящий из одной улицы, идущей в гору, и трех поперечных (нынешняя улица Карла Маркса и пересекающие ее улочки Буачидзе, Анисимова, Красноармейская, и сегодня имеющие всего по два-три квартала). Ниже центральной части города, ближе к Подкумку, разбросано несколько мельчайших улиц – вот и весь Пятигорск в общем очерке. Даже еще не планированный, не вымощенный и без тротуаров, он очень походит на немецкий городок, весьма опрятный и регулярный.

В этом описании не отмечена Солдатская слободка, которую мы с вами проезжали. Осталось незамеченным и все расположенное западнее того городка, который принято именовать «Лермонтовским Пятигорском». А там, в некотором отдалении от Машука, находились Константиногорская крепость, построенная в 1780 году, который считается годом рождения Пятигорска, и небольшая солдатская слободка при ней. Не будем забывать, что не столь уж далеко шла Кавказская война, нередко дававшая о себе знать набегам горцев на эту курортную местность. И крепость все же еще служила неким гарантом спокойствия и безопасности, хоть понемногу и разрушалась, доживая свои дни. Да и слободка, некогда обеспечивавшая жильем первых лечащихся, катастрофически теряла свое значение – ее насельники понемногу перебирались к подножию Машука.

Однако, учитывая близость военных действий, в Пятигорске продолжали содержать гарнизон численностью более тысячи человек. В разное время его составляли подразделения 16-го Егерского, Тенгинского, Кабардинского, Московского, Суздальского пехотных полков, кавказские линейные батальоны, а также арестантские роты военно-инженерного ведомства и военно-рабочая команда, приданная Строительной комиссии для производства работ по строительству и благоустройству курорта. Их казармы и подсобные строения были разбросаны на обширном пространстве между городом и крепостью. Немного ближе к курорту располагались его хозяйственные службы – Деловой двор с мастерскими, Воловий двор, где содержалась главная тягловая сила тех лет, Карантин – на случай эпидемий, нередко посещавших эти места. Там же, западнее, появились и жилые дома, со временем образовавшие продолжение главного проспекта, а за ним и других улиц.

Но видеть все это могли лишь посетители курорта, едущие из Пятигорска на Кислые Воды, да любители верховых прогулок. Все прочие ограничивали свое курортное бытие кварталами, расположенными близ источников. Именно там были сосредоточены и все основные достопримечательности тогдашнего Пятигорска, которые нам предстоит осмотреть.

Первым, как и прочие гости курорта, мы заметили стоящее на главной улице величественное каменное здание – Казенную ресторацию. Именно к этому зданию подкатывали экипажи всех приезжающих на Воды. Именно в его широкие двери входили приезжие в поисках жилья. Белокаменные стены и высокие окна, уходящие ввысь колонны ионического ордера, увенчанные величественным фронтоном, и сегодня позволяют вспоминать эпоху, когда рождался стиль русского ампира. Создатель проекта, талантливый француз Шарлемань, хотел одарить столичной пышностью далекий Кавказ, но юга России он никогда не видел, и потому братьям Бернардацци пришлось поусердствовать, чтобы переделать сие петербургское творение на местный лад, позаботившись, впрочем, о том, чтобы торжественность его облика не исчезла. Ведь она была очень нужна, поскольку немало высоких персон посещало городок, ставший, как того и хотел генерал А. П. Ермолов, не только курортным, но и культурным центром Северного Кавказа.

Сколько прибывало сюда именитых людей! Император Николай I, его наследник Александр Николаевич, персидский принц Хосров-Мирза, наместники Кавказа – Паскевич, Воронцов, Барятинский... И все они поднимались по исчезнувшей позднее широкой лестнице, проходили меж колонн на парадное зало с хорами для музыкантов. Празднично гремела медь полковых оркестров, приветствовавших высоких гостей. Не забыли старые стены тех персон и те оркестры!

Знавали они и других гостей, другую музыку. Помните: «Танцы начались польским; потом заиграли вальс, шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились...» Да, конечно, это Лермонтов, хорошо знакомый с лучшим зданием Пятигорска еще со времени первой ссылки и вновь встретившийся с ним в свое последнее лето. Бывали в этих стенах Пушкин, Толстой, Белинский, Бестужев-Марлинский, Балакирев и многие другие знаменитые россияне. Найдется ли еще в округе строение, которое может похвастаться таким созвездием имен своих посетителей?

И знаменитые, и самые обыкновенные гости жили здесь до подыскания постоянного жилища, да и потом частенько обедали или ужинали, дважды в неделю могли танцевать на балах, а кое-кто сиживал целыми ночами, отдаваясь карточной игре. Назначений зданию с самого начала было уготовано несколько, и создатели его позаботились, чтобы угадать их можно было с первого взгляда, даже не входя внутрь. Верхний этаж, простой и скромный, служил гостиницей. Парадный бельэтаж с высокими окнами двусветного зала предназначался для ресторана, а также для торжеств и празднеств. В нижнем, полуподвальном, с малыми окошками, помещались кладовые, кухни и прочие подсобные помещения. Во дворе

располагались флигеля, конюшни, каретные сараи. Хотя гостиница оставалась казенной, распоряжались ею арендаторы. Менялись имена и лица, а звуки, наполнявшие помещения, оставались все теми же – веселые всплески музыки по вечерам, звяканье золотых монет и шуршание ассигнаций по ночам, звон посуды и гомон голосов – с утра до вечера...

Куда скромнее и тише звучали «голоса» прочих гостиниц, стоявших неподалеку. Назывались они по-разному, но тоже служили жильем для гостей курорта. Вот, неподалеку от Ресторации, в соседстве с построенными позднее эффектными Ермоловскими ваннами и роскошным Театром оперетты, стоит скромный дом, лишенный каких-либо архитектурных украшений. Лишь присмотревшись, замечаешь его почтенный возраст, строгую благородную простоту линий и форм.

Некогда это был Дом для неимущих офицеров. Строился он специально для тех защитников Отечества, которые очень нуждались в лечении, но существовали на мизерное офицерское жалованье или скудную пенсию. Для таких горемык сначала был сооружен так называемый Общественный дом, стоявший тут же, на территории нынешнего парка «Цветник». Позже его не слишком просторные помещения заняли различные учреждения – аптека, чертежная Строительной комиссии и другие. А для неимущих офицеров, по предложению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала Георгия Арсеньевича Емануеля, возвели более просторное и удобное здание, проект которого лично утвердил император Николай I. Выполнил его Иосиф Бернардацци. Отсюда и благородная простота его очертаний, и старомодное изящество. В одной из комнат Дома для неимущих офицеров размещалась канцелярия пятигорского коменданта. Сюда каждый офицер, прибывавший в Пятигорск или убывавший из него, обязан был явиться для регистрации. В силу этого Дом оказался связан с именем Лермонтова и в какой-то мере – с роковыми событиями лета 1841 года.

На противоположной стороне главного проспекта стоял еще один Дом для неимущих офицеров, только не всех, а относящихся к Войску Донскому. Средства на его сооружение дал казачий генерал Алексей Петрович Орлов, который решил таким образом отблагодарить курорт за излечение минеральными водами «от сильных ревматизмов во всем теле». Сегодня на этом месте радует взор оригинальной архитектурой построенный в начале прошлого века отель «Бристоль». Но и в лермонтовские времена был очень приметен стоявший здесь высокий двухэтажный дом из машукского камня, который выглядел особенно монументальным благодаря высоким глухим подвалам, где, кстати сказать, находилась городская тюрьма. Там некоторое время после дуэли содержался Н. С. Мартынов. Стало быть, «Дом Орлова», как его называли, тоже не должен остаться вне нашего внимания.

Как и небольшая церковь, стоявшая по соседству, – там, где сейчас находится Центральная питьевая галерея. Построенная братьями Бернардацци, она была освящена в 1828 году во имя Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости. Правда, жители Пятигорска называли ее просто Скорбященской. Деревянное здание храма украшали портики с колоннами. На небольшой, тоже деревянной, колокольне были установлены «боевые часы для знания времени купания». Это была первая постоянная церковь на Кавказских Водах.

Теперь обратим внимание на стоящее у самого подножия Горы Горячей здание благородной классической архитектуры. Увы, сегодня у его парадного фронтона, закрытого от людских взоров стеклянным разноцветьем Лермонтовской галереи, построенной в начале XX века, не увидеть оживления. А когда-то сюда с утра и до вечера подкатывали коляски и кареты, привозившие жаждущих исцеления и получавших его, благодаря чудодейственной силе горячих серных вод.

Это было первое лечебное учреждение, построенное в некотором отдалении от горячих источников, вытекавших на вершине Горы Горячей. Торжество закладки ванн состоялось 25 июля 1826 года, в день рождения нового императора Николая I, имя которого они и

получили (в XX веке ванны стали называться Лермонтовскими). Пережившие все деревянные времянки тех времен, они по праву считаются старейшей водолечебницей Кавказских Минеральных Вод. И долгое время оставались самой комфортабельной в России. Недаром же главный врач курорта Конради с гордостью говорил: «Многие врачи и путешественники, посещавшие все известнейшие воды, единогласно утверждали, что нигде не встречали заведения, которое могло бы сравниться с нашим в удобстве и красоте».

Среди знаменитых посетителей лечебницы встречаем персидского принца Хосров-Мирзу, известного врача и естествоиспытателя И. Дядьковского, критика В. Белинского, видных военачальников, государственных деятелей, ученых. А летом 1837 года здесь лечился М. Ю. Лермонтов. Увы, частые иссякания источника, питавшего Николаевские ванны, вынуждали их пустовать. Так, летом 1841 года из шестнадцати ваннных кабин действовали только две, и Михаил Юрьевич ими не пользовался.

Где лечился он в свое последнее лето? Позднее мы узнаем это. Пока же оглядимся вокруг. Сегодня здесь раскинулся курортный парк с названием, вызывающим некоторое недоумение приезжих – «Цветник». Откуда такое название – спрашивают они – ведь, по сравнению с общей площадью парка, цветов здесь очень мало? Верно. Но поначалу перед фасадом Николаевского ванного здания действительно был цветник – сравнительно небольшой участок, заполненный цветочными клумбами и огороженный невысокой деревянной решеткой. Между клумбами зеленели деревья и кустарники, на дорожках стояли скамейки, а в центре находились бассейн и тумба с солнечными часами. Вот от этого-то цветника и пошло нынешнее название парка.

Чуть в стороне от западного торца ванн замечаем искусственную пещеру, уходящую в скалистый склон Горы Горячей. Это Грот Дианы, стараниями реставраторов имеющий ныне облик, близкий к первоначальному. Наши взоры невольно притягивают причудливые очертания стен из грубо обработанных каменных блоков, удивляет их схожесть и слитность с окружающими скалами. Нас завораживает отблеск далекой старины в очертаниях невысоких колонн, словно вдавленных в землю тяжким грузом каменной массы.

Несомненно, притягательность старинного грота во многом объясняется чудесным искусством его создателей, братьев Бернардацци. Сказывается и поэтичное название, данное по указанию генерала Емануеля в честь Дианы, богини-охотницы античных мифов. И конечно, нас волнует связанный с этим гротом романтический эпизод последних дней жизни Лермонтова. Но не будем забегать вперед. Отправимся пока в Емануелевский парк, где находились тогда источники и ваннные здания, места для прогулок и отдыха, где курортная жизнь была ключом.

Попасть туда от Ресторации и Николаевских ванн можно двумя путями. Если нам захочется шагать в тишине и одиночестве, то стоит подняться на Гору Горячую и пойти от Александровского источника (на его месте стоит сейчас скульптура Орла) по дорожке, которой обычно пользовались немногие. Ее так и называли – «Мизантропическая аллея», «Дорога нелюдимов». В те времена она была сплошь обсажена молодыми сосенками, привезенными с гор за Кисловодском. К сожалению, условия, в которые они попали – скудная каменистая почва, сухость, серные испарения источников, – вредно действовали на деревца. Да и люди порой тайком рубили их для украшения своих домов в новогодние празднества. Оттого соседок с каждым годом становилось все меньше и меньше, пока не осталась одна-единственная – ее можно видеть сегодня неподалеку от Академической галереи, ниже ведущей туда дорожки.

Если же мы по пути к Емануелевскому парку хотим видеть оживление и многолюдье, то будем двигаться по бульвару, который считался гордостью Пятигорска и достойным его украшением. Не верилось глазам, говорил один из гостей, чтобы в такой глуши можно было найти и бульвар, липами обсаженный, гладко укатанный и чисто песком усыпанный, и на нем

почти такое многолюдство, как на Невском проспекте. И почти такую же пестроту и щегольство, с тою только разностию, что тут подле бульвара журчит по камешкам ручей минеральной воды. Но, конечно, считал другой, не стоит представлять себе этот бульвар вроде Тверского в Москве или петербургского, что окружает Адмиралтейство. О нет! Здесь не найдете вы ни фонтанов, ни статуй; это просто аллея стриженных липок, перерезывающая город во всю длину до самых источников минеральных вод. Зато с одной стороны вместо штукатуренных стен вы увидите дикие утесы с высеченными ступенями, ведущими к выстроенным на высоте ваннам, с другой, над городом – фантастическую громаду скал, разбросанных в самом живописном беспорядке.

Что ж, бульвар заслужил свою громкую славу, поскольку именно с него началось создание драгоценной зеленой оправы Пятигорска. Ведь поначалу местность у подножия Машука была совершенно лишена деревьев. Между тем их тень была крайне необходима курортной публике, чтобы укрываться от палящего зноя. На это обратил внимание генерал Г. А. Емануель. При первом же посещении Горячих Вод в 1827 году он посетовал на отсутствие тени и потребовал, чтобы посредине главной улицы поселения был бы посажен бульвар. И в том же 1827 году необходимые работы были начаты. Доктор Конради рассказывал: «Место разметили и подняли насыпной землей, оградили с обеих сторон и насадили липками, взятыми из ближайшего леса на Машуке... В 1828 году была окончена вся аллея, а в 1829 году деревья давали уже несколько тени».

Бульвар сразу же сделался средоточием курортной жизни, что отмечали многие гости Пятигорска. Откроем роман Лермонтова «Герой нашего времени», который можно считать «художественной энциклопедией» курортной жизни Кавминвод. В «Журнале», то есть дневнике Печорина бульвар упоминается чуть ли не ежедневно. «Спустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, подымающихся в гору...» «Молча с Грушницким спустились мы с горы и пошли по бульвару, мимо окон дома, где скрылась наша красавица...» «После обеда я пошел на бульвар: там была толпа...» «Около семи вечера я гулял на бульваре. Грушницкий, увидев меня издали, подошел ко мне...» «Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошел гулять по липовой аллее бульвара». На бульваре стремительно развивается действие повести «Княжна Мери». Здесь Печорин, усевшись на скамейку неподалеку от княжны, злит ее, отвлекая поклонников. Вдоль бульвара проводят его коня, покрытого ковром, который не смогла купить княжна.

И для самого Лермонтова пятигорский бульвар значил немало. Товарищ поэта по юнкерской школе П. А. Гвоздев, бывший летом 1841 года в Пятигорске, вспоминал, что однажды встретился с Михаилом Юрьевичем довольно поздно на пятигорском бульваре. Ночь была тихая и теплая. Они пошли гулять. Лермонтов был в странном расположении духа: то грустен, то вдруг становился желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем его окружавшем...

Считается, что старейшая часть бульвара была полностью вырублена в 30-е годы XX столетия, и украшавшие ее липы не сохранились. К счастью, это не так – на территории «Цветника», поглотившего часть бульвара, осталось более десятка тех самых лип, что были посажены братьями Бернардацци почти два века назад. Время не пощадило деревья-памятники – корявые и узловатые, они напоминают много поживших старцев. И все же каждую весну на них распускается молодая листва, точно такая же, как та, что укрывала от жарких солнечных лучей Лермонтова и его современников. Их радовала эта тенистая, зеленеющая аллея, что следует за извилинами горы по всему ее протяжению и даже восходит по бокам гор до поднимающихся остроконечно двух каменистых вершин. Достигнув конца аллеи, отмечал кто-то из них, надобно подняться к главным источникам на крутую возвышенность над Подкумком, где открывается покатая долина, ограниченная с правой и левой стороны двумя крутыми скалистыми вершинами, предгорьями Машука.

На правом предгорье построена сторожевая каланча, на которой ежедневно развеваются флаг в знак открытия вод; поставленный на ней часовой ударами возвещает часы и получасы для принимающих ванны. На левом же предгорье для симметрии поставлена красивая беседка, и в ней каким-то англичанином-туристом приложена эолова арфа, которая за расстройством своих аккордов издает столь слабые звуки, что надобно подставить поближе ухо, чтобы расслышать ее смутные тоны. Итак, между этими двумя вершинами лежит долина. В сей-то благодатной долине – важнейшие ключи: Елизаветинский, с ванной, далее, на горе – Михайловский и много других источников безыменных. От одного до другого ключа раскидываются прекрасные виноградные извилистые аллеи и проведены дорожки между цветами.

В этом описании мы, хоть и не без некоторого труда, узнаем верховья Горячеводской долины, где близ кислосерного колодца был разбит Емануелевский парк с его прихотливо извивающимися дорожками, гротами, беседками. Он вызывал восторженные отзывы многих приезжих. Где возьму слов, восклицал один, для описания гульбищ, которые как бы ударом волшебного жезла вдруг появились около сих источников? А другой слова эти все же нашел: между трех гор, крутых и высоких, говорил он, на треугольном пространстве явился сад в английском вкусе, в коем соединены все искусственные и природные красоты. Тут павильоны, беседки, гроты, крытые аллеи, кусты, цветы; там водопады, пропасти, пещеры и провалы; а здесь скалы, по отвесу падающие, украшены пышной зеленью долин, иссечены зигзагами и обсажены клумбами ароматических кустов. Словом, вы видите перед собою очаровательное место, которое теперь, когда еще деревья не разрослись, нравится взору и видом своим удивляет охотников и знатоков в садоводстве.

Действительно, было чему удивляться в этом парке. По окружающим склонам разбегалась сеть дорожек, обложенных дерном или тесаным камнем, обсаженных деревьями какой-то одной породы или увитых виноградными лозами. Повсюду стояли деревянные скамейки и диваны из дерна. Тут и там виднелись выходы минеральных источников – их вода сбегала по склону живописными струйками, кое-где образуя миниатюрные водопады. В скалах, обращенных к парку, имелись небольшие пещеры, превращенные в романтические гроты. Выше них, на «панорамных» точках, стояли беседки.

Бродя сегодня по Емануелевскому парку, прежнее название которого, увы, почти забыто, мы кое-где еще находим следы прошлого – аллеи, выходы минеральной воды и даже вековые деревья, которые помнят и авторов тех давних описаний, и гулявшего здесь Михаила Юрьевича Лермонтова, который в своем романе «Герой нашего времени» не забыл упомянуть и виноградные аллеи, покрывающие скат Машука, и павильон, называемый «Эоловой арфой», и пещеру, чернеющую на склоне.

Пещеру эту строители Пятигорска, братья Бернардацци, обнаружили в одной из скал, обустроивая местность близ популярного у курортной публики кислосерного Елизаветинского источника. Ее углубили, вырубili внутри скамью, подвели дорожку, огородив ее со стороны крутого склона. Этот уголок парка полюбился «водяному обществу» как удобное место отдыха. Для поэтичности именуясь гротом, то есть считаясь сооружением искусственным, углубление в скале поначалу сохраняло естественный вид. Портал, решетка и надпись над входом появились позднее, когда грот получил имя поэта, хотя прежде носил название «Грот Калипсо» – об этом мы узнаем из рассказа Эмилии Шан-Гирей журналистке Е. Некрасовой.

Есть и версия, делающая пещеру местом свидания Печорина с Верой, описанного в романе «Герой нашего времени». Но оно произошло совсем не в этом гроте. Ведь в романе сказано: «Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот... Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина...» В разгар дня под сводами Грота Лермонтова едва ли может быть прохладно, поскольку он открыт полуденному солнцу. Да и аллея, ведущая к нему, не была обсажена виноградом, что хорошо видно на картине самого Лермон-